1837 1937

А. С. Пушкин в станице Берды

Писатели о Пушкине

До Пушкина не было в России истинных поэтов; русская публика знала поэзию только по слухам, из переводов или по слабым опытам, в которых искры поэзии гасли в пучинах риторики или льдах внешней холодной отделки. Пушкин дал нам первые художественные произведения на родном языке, познакомил нас с неведомою до него поэзией.

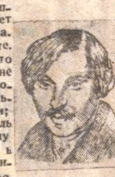
★

Он истинный отец нашей поэзии, он воспитатель эстетического чувства и любви к благородным и эстетическим наслаждениям в русской публике, масса которой чрезвычайно значительно увеличилась благодаря ему, — вот его права на вечную славу в русской литературе.

★

Пушкин, не будучи по преимуществу ни мыслителем, ни ученым, был человек необыкновенного ума, и человек чрезвычайно образованный; не только за тридцать лет назад, но и ныне в нашем обществе немного найдется людей, равных Пушкину по образованности.

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ.



При имени Пушкина тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте. В самом деле, никто из поэтов наших не выше его и не может более назваться национальным; это право решительно принадлежит ему. В нем, как будто в лексиконе, заключилось все богатство, сила и гибкость нашего языка. Он более всех, он далее раздвинул ему границы и более показал все его пространство. Пушкин есть явление чрезвычайное; и, может быть, единственное явление русского духа; это русский человек в конечном его развитии, в каком он, может быть, явится через [...]сти лет.

Н. ГОГОЛЬ.

Зна[...]ние Пушки[на] на ог[...]омно не толь[...]ко в истории рус[...] литературы, но [...] истории русско[...] [про]свещения. Он [...]

«Начинало смеркаться. Путь мой шел мимо Бердской слободы, пристанища Пугачевского. Прямая дорога занесена была снегом; но по всей степи видны были конские следы, ежедневно обновляемые. Вскоре засверкали бердские огни. Мы под'ехали к оврагам, естественным укреплениям слободы».

Эти строки из повести «Капитанская дочка», написанные А. С. Пушкиным более 100 лет назад, посвящены мятежной слободе Берды, которую посетил поэт в 1833 году. Глубокий интерес к народному революционному движению привлек Пушкина в Берды — былую столицу Емельяна Пугачева, которую именовал он «Москвой».

В дни пушкинской годовщины на центральной площади нынешней колхозной станицы Берды будет заложен обелиск в память посещения пугачевской «Москвы» великим русским поэтом.

Торжественно готовится станица к пушкинским дням. Вечерами — и взрослые, и дети слушают доклады, лекции, беседы о жизни и творчестве поэта, слушают его стихи, читают его книги.

Велика сила народной любви к поэту. Величественно торжество, с которым встречают пушкинский юбилей бердские колхозники—казаки и казачки. Велики победы. Зажиточной жизнью живет станица. Уже нет в Бердах неграмотных людей, которые бы не обучались грамоте. Не найти среди жителей станицы такого, который бы не знал, что в Бердах был А. С. Пушкин.

Оренбургский городской совет отмечает 13 февраля пушкинский юбилей торжественным заседанием в Бердах. Этого дня с радостью ждет население станицы.

От имения Языковых дорога шла через Сорочинскую в Оренбург, на сакмарскую переправу. Солнце склонялось, когда показалась Маяковская гора. О ней было известно еще из санкт-петербургских архивов. На горе был расположен ретраншамент и маяк Пугачева. И после беседы со старым сказителем Панковым в Сорочинской это был уже второй памятник на подступах к пугачевской столице — мятежной слободе Берды.

С горы открывался вид и на слободу, и на Оренбург. Город был окружен крепостным земляным валом и бастионами. Ивовая аллея вела к нему. Она оканчивалась близ северных Сакмарских ворот. Здесь стояла застава. Солдаты записывали приезжих и в девять вечера закрывали доступ в город до утра.

Почтовая коляска проследовала от ворот, в клубах пыли, по главной улице, д[о М]анежа. Здесь она повернула направо, по площади, к Троицкой церкви и остановилась у здания Неплюевского военного училища. Слуга первый соскочил с облучка. И пока приезжий отряхивал пыль со своей шинели и шляпы, вошел в квартиру директора училища инженер - капитана К. Д. Артюхова и доложил:

— Генерал Пушкин изволил приехать...

Он был верен себе, этот слуга. «Одно меня сокрушает, — писал о нем жене Пушкин, — человек мой. Вообрази себе тон московского канцеляриста: глуп, говорлив, через день пьян, ест мои холодные дорожные рябчики, пьет мою мадеру, портит мои книги и по станциям называет меня то графом, то генералом. Бесит меня да и только».

Но уже хозяин спешит со своими радушными об'ятиями. И баня, как к случаю, только что вытоплена. И уже слышна веселая речь знаменитого гостя, отвечающего на обычный вопрос:

— Ну, как дорога?..
— Дорога?..

Дорога ваша — сад для глаз,
Повсюду ямы, лес, канавы,
Работы было много; много славы,
Да жаль — проезду нет подчас.
С деревьев, на часах стоящих,
Проезжим мало барыша.
[До]рога, скажут, хороша,
[...]ажу: для проходящих...

[...] Иванов, присутствующий в бане, тут же получает из рук хозяина карандаш. Экспромт должен быть немедленно запи[...] на стене [...] в ба[...] метко высмеивает усилия [...]аторов — Перовского и его [...]ника Эссена — превратить [...] степного города в сад[...]т чуть не все окрестное на[...]ыгоняется» на работы! [...] знает, что на другой же [...]ене облекаются рамой, [...] Он не гово[...] «Станции» [...]енная им [...] дороге. [...] Наскоро [...] рас[...] И не[...] на надви[...]ород, к Пе[...] [...]ая ставка [...] главных [...] его. Кровавый [...] былых кре[...] его [...]вго[...]ргу... [...] его в [...] архивах сто[...] на Морской, с [...]правлялся еже[...]ные ведомства, [...] исследований. [...]ана вез теперь «Истории Пуга[...]чева» и «Капитанской дочки». И каждый день, каждый новый этап в этом пути спешил связать неразрывным звеном в цепи своих творческих замыслов.

«Чувствую, — пишет он утром жене, с загородной дачи Перовского, — что дурь на меня находит, я и в коляске сочиняю; что же будет в постели?» И еще через две недели, уже из Болдина, подытоживая дорожные впечатления, сообщает ей: «В деревне Берды, где Пугачев простоял шесть месяцев, имел я une bonne fortune — нашел 75-ти летнюю казачку, которая помнит это время, как мы с тобой помним 1830 год. Я от нее не отставал; виноват, и про тебя не думал».

Это была Бунтова—казачка из Нижне-Озерной крепости, очевидица пугачевских побед и поражений, рассказ которой внимательно, почти стенографически записывает поэт в свою записную книжку:

«Когда Пугачев ездил куда-нибудь, то всегда бросал народу деньги. — Когда под Татищевой разбили Пугачева, казаки яицкие прискакали в Озерную израненные, кто без руки, кто с разрубленной главою — человек 12, кинулись в избу Бунтихи. Давай, старуха, рубашек, полотенец, тряпья — и стали драть, да перевязывать друг у друга раны — старики выгнали их дубьем. А гусары Галицинские и Корфа так и ржут по улицам да мясничат их.

Когда разлился Яик, тела поплыли вниз. Казачка Разина, каждый день прибредши к берегу, пригребала палкою к себе мимо плывущие трупы, переворачивала их и приговаривала — «Ты ли, Степушка, ты ли, мое детище? Не твои ли черны кудри свежа вода моет?»—Но видя, что не он, тихо отталкивала тело и плакала.

К Пугачеву приводили ребят — он сидел между двумя казаками, из коих один держал серебряный топорик, а другой булаву. — У Пугачева рука лежала на коленях — подходящий кланялся в землю, а потом, перекрестясь, целовал его руку.

В Берде от старухи».

Пройдет несколько времени, и это яркое свидетельство старой казачки войдет бессмертными строками в «Историю Пугачева» и чудесные главы «Капитанской дочки». Но еще долго будут рассказывать сама Бунтова, и ее потомки, и знакомые ее потомков о том дне, когда великий русский поэт посетил пугачевскую ставку и из уст старожилов искал народной молвы и преданий о Пугачеве.

В Оренбурге живет Александра Ивановна Пивоварова, внучка современницы Пушкина, Акулины Тимофеевны Блиновой. Той самой Блиновой, которая присутствовала, будучи двадцатилетней девушкой, при разговоре поэта со старухой Бунтовой и угощала его молоком. Блинова умерла только в 1900 году. Но она не раз рассказывала своей внучке подробности этого дня, 19 сентября 1833 года, когда А. С. Пушкин посетил эта—обрывок песни, пропетой Бунтовой, про генерала Кара, потерпевшего поражение от Пугачева:

Ты ворона-ли, ворона,
Загуменная карга!
Не умела ты, ворона,
Ясна сокола поймать..

Утром же, на другой день вслед за прибытием в Оренбург, он едет в Берды. Его сопровождают В. И. Даль, служащий здесь чиновником для поручений при губернаторе, и К. Д. Артюхов. Предварительно они заезжают в Георгиевскую церковь в Форштадте, с паперти и колокольни которой Пугачев бомбардировал город во время полугодовой осады. Осматривают земляные работы, оставшиеся от пугачевских укреплений против северо-восточной части крепости. Проезжают в Зауральную рощу, откуда Пугачев предпринимал попытку по льду штурмовать город, незащищенный с реки ни крепостной стеной, ни бастионами. Затем едут в Берды, и по дороге Даль рассказывает анекдот, который очень смешит поэта:

Пугачев в Бердах однажды вошел в полную народу церковь, прошел в алтарь и сел на престол, сказав окружающим:

— Как давно я не сидел на престоле..

Затем разговор переходит на литературу, и Пушкин рассказывает, чем он занят и что намерен сделать.

— Вы не поверите, — говорит он Далю, — как мне хочется написать роман, но нет, не могу: у меня начато их три, — начну прекрасно, а там недостает терпения, не слажу...

Но вот он начинает излагать новую, волнующую его тему — произведения о Петре Первом и, воспламеняясь, заканчивает:

— О, вы увидите: я еще многое сделаю!..

Они в'езжают в Берды, где тамошний атаман, сотник И. В. Гребенщиков, уведомленный губернатором Перовским с вечера, уже собрал сколько мог стариков и старух былой мятежной слободы. Знакомый Гребенщикова — Кайдалов—описывает встречу Пушкина с бердскими старожилами:

«Одет он был в сюртук, плотно застегнутый на все пуговицы; сверху — шинель суконная с бархатным воротником и обшлагами, на голове — измятая поярковая шляпа. На руках — левой на большом, в правой на указательном пальцах — по перстню. Ногти на пальцах длинные, лопатками. В фигуре его и манерах было что-то чрезвычайно оригинальное.

По входе в комнату Пушкин сел к столу, вынул записную книжку и карандаш и начал расспрашивать стариков и старух и рассказы их записывал в книжку. Наконец, расспросы кончились, он встал, поблагодарил Гребенщикова и стариков, которым роздал несколько серебряных монет». Что рассказывали бердские старожилы Пушкину, о чем он их расспрашивал — Кайдалов не помнит. Он смотрел на по[...] Но вероятно, что рассказы стариков имели меньшую ценность для поэта, потому что только одной Бунтовой, с которой он беседует после, у крыльца ее домика, поэт дарит золотой. Вместе с ней он идет к дому, где жил Пугачев: на большой улице, на углу, с красной стороны. Дом — на шесть окон. Он него — вид на озеро и Сакмару. За рекой — обнажившийся лес, сентябрьская деревенская тишина. Поэт долго всматривается в пейзаж, открывшийся перед ним из «золотых палат» Пугачева. Какие мысли роятся у него в эти минуты?

Ему-то ведома обманчивость этой идиллической тишины. Он сам — свидетель недавних холерных бунтов 1830 года. Он сам — современник кровазоподавленных в 1831 году возмущений среди солдат и крестьян аракчеевских военных поселений. Какой же пожар крестьянского восстания полыхал здесь полвека назад! Здесь, в обманчивой тишине старой пугачевской столицы!

Он знал, почему прятали в тайники петербургских архивов материалы о Пугачеве. И вот он видит живую, незаглохшую память народа о нем. Слышит бережно хранимые песни. Слышит рассказы свидетелей восстания, ловит в них душевные слова неистребимого сочувствия к Пугачеву:

«Народ разоделся, на светлый праздник, высыпал на улицу, девки да бабы в два ряда, как солдаты стоят. Поп с крестом вылез на паперть; атаман казацкий хлеб-соль приготовил.

Скоро прибыл и сам. С колокольни звон раздался; поп встрел его с крестом, но он в храм не вошел, как из киржаков происхождение имел и осенялся большим крестом...

Сам-от хлеб-соль принял, обещание дал на вольности разные, нашу слободу Москвой величал; ряды девок обошел, борки, ленты, да монисты жаловал; иных, что попритлядней, ласкать изволил, деньги раздавал... А колокола все гудят, все гудят. В храме божьем служба идет, государь Петра Федоровича с Катериной Лексеевной поминают»..

И окинув в последний раз взором бердский пейзаж, «дворец» Пугачева и улицу, он говорит старухе:

— Здесь прекрасно...

Поданы лошади. Мелькают избы старой мятежной слободы. Пушкин спешит покончить с делами в городе. Он обедает у губернатора. Проводит вечер у Даля. И вот уже утро 20 сентября—и час от'езда в Уральск, на Яик, по дальнейшим следам своего героя.

Перед от'ездом — донесение бердских урядников по начальству, доставленное, вместе с перепуганной старухой Бунтовой, в Оренбург:

«Был у нас неизвестного звания человек со товарищи, среднего роста, лицом смугл, волосом черен и курчав, на пальцах за-место ногтей когти, подбивал под пугачевщину и дарил золотом»...

Это сказывалась сила жандармского запрета толковать о Пугачеве, «коего имя волновало чернь».

«Доныне престарелые свидетели тогдашнего смятения неохотно отвечают на вопросы любопытных»,—замечает позднее Пушкин.

И как винить запуганных бердских урядников, когда через год весь санкт-петербургский свет встречает выход «Истории Пугачева», как очередную «крамолу» опального поэта?

«В публике очень бранят моего Пугачева, — записывает в дневник Пушкин. — Уваров (министр просвещения) большой подлец. Он кричит о моей книге, как о возмутительном сочинении».

Второй документ не застает Пушкина в Оренбурге. Это — предписание санкт-петербургского обер - полицмейстера об установлении секретного надзора за образом жизни и поведения поэта.

Предписание опоздало. Поэт уже побывал в станице Татищевой, где был разбит Пугачев войсками Голицына и Мансурова. Проехал Нижне-Озерную — родину казачки Бунтовой. Заметил Белую гору, близ нее, послужившую причиной, что крепость в «Капитанской дочке» названа Белогорской. Пробыл два дня в Уральске, изучая этот яицкий городок, колыбель и могилу восстания Пугачева. И возвратился в Болдино, где в короткое время закончил «Историю Пугачева».

Знакомый рассказ о пугачевской Москве, мятежной бердинской слободе, находим мы на ее страницах:

«Учения (особенно артиллерийские) происходили почти всякий день. Церковная служба справлялась ежедневно. На ектении поминали государя Петра Федоровича и супругу его, государыню Екатерину Алексеевну. Пугачев, будучи раскольником, в церковь никогда не ходил. Когда ездил он по базару или по бердским улицам, то всегда бросал в народ медными деньгами. Суд и расправу давал сидя на креслах перед своей избой. По бокам его сидели два казака, один с булавою, другой с серебряным топором. Подходящие к нему кланялись в землю и, перекрестясь, целовали его руку»...

И далее, в повествовании о сражении под Татищевой, читаем:

«Вскоре настала весеняя оттепель; реки вскрылись, и тела убитых под Татищевой поплыли мимо крепостей. Жены и матери стояли у берегов, стараясь узнать между ими своих мужей и сыновей. В Озерной старая казачка каждый день бродила над Яиком, клюкою пригребая к берегу плывущие трупы и приговаривая: «Не ты-ли, мое детище? Не ты-ли, мой Степушка? Не твои-ли черные кудри свежа вода моет?» И видя лицо незнакомое, тихо отталкивала труп».

Бережно, с кропотливой точностью сохраняет великий поэт народную молву о пугачевском восстании. Любовно сберегает каждое правдивое слово, каждую меткую черточку в народных рассказах о мятежном предводителе. И, когда, издав свой цензурованный исторический труд, берется, по неизменному требованию своему, за окончание художественного произведения о Пугачеве, он находит для его образа то великое сочувствие, ту теплую прелесть, которую почерпнул в глубинах народного мнения и изустного творчества.

Беглый каторжник, душегуб,—в глазах царя и дворян, Пугачев получает иную характеристику в «Капитанской дочке»: «Черты лица его правильные и довольно приятные, не из'являли ничего свирепого». И какою волнующей, понятной близостью звучат теперь для нас те слова о Пугачеве, которые великий поэт вложил в уста действующего лица своей повести Гринева:

«Зачем не сказать истины? В эту минуту сильное сочувствие влекло меня к нему»...

К. РУДОВ.

«А. С. Пушкин и В. И. Даль в Бердах». Картина художника А. Ф. Степанова, Оренбург (репродукция Малкина).

Писатели о Пушкине

„Пушкин был по преимуществу поэт, художник и больше ничем не мог быть по своей натуре. Он дал нам поэзию, как искусство, как художество. И потому он навсегда останется великим, образцовым мастером поэзии, учителем искусства. К особенным свойствам его поэзии принадлежит ее способность развивать в людях чувство изящного и чувство ГУМАННОСТИ, разумея под этим словом бесконечное уважение к достоинству человека, как человека... Придет время, когда он будет в России поэтом КЛАССИЧЕСКИМ, по творениям которого будут образовывать и развивать не только эстетическое, но и нравственное чувство.

★

Поэзия его чужда всего фантастического, мечтательного, ложного, призрачно-идеального; она вся проникнута насквозь действительностью; она не кладет на лицо жизни белил и румян, но показывает ее в ее естественной, истинной красоте..

В. Г. БЕЛИНСКИЙ.

Стихи Пушкина не менее сжаты по сущности, чем по форме, и всякое его стихотворение является плодом глубокого размышления. Как Пандар, гомеровский лучник, он долго разыскивает в своем колчане именно ту прямую и острую стрелу, которая неминуемо попадает в цель. Простота, а иногда некоторый внешний беспорядок являются у него лишь расчетом утонченного мастерства.

ПРОСПЕР МЕРИМЭ.

„Пушкин любил свободу искренно и жарко.

...В то время не один он ждал, когда же, наконец, вспыхнет над родиной заря «свободы просвещенной», но только он ожидал ее с тоской и страстью, до него никем не испытанными.

★

Пушкин — первый почувствовал, что литература — национальное дело первостепенной важности, что она выше работы в канцеляриях и службы во дворце, он первый поднял звание литератора на высоту, до него недосягаемую: в его глазах поэт — выразитель всех чувств и дум народа, он призван понять и изобразить все явления жизни.

М. ГОРЬКИЙ.

Я люблю вас,
но живого,
а не мумию.
Навели
хрестоматийный
глянец.
Вы,
по-моему,
при жизни
— думаю —
тоже бушевали.
Африканец!
Сукин сын Дантес!
Великосветский
шкода.
Мы б его спросили:
— А ваши КТО родители?
Чем вы занимались
ДО 17-го года? —
Только этого Дантеса бы и видели.

В. В. МАЯКОВСКИЙ.
(«Юбилейное»).

Последние дни Пушкина

[...] государствами в интересах авто[...]

14 декабря.

[...]ргенев отметил в своем дневнике [...] с Пушкиным о древней Рос[...]

25 декабря.

[...]и с первым представлением «Иван Сусанин» у А. Всеволож[...] состоялся дружеский обед, на [...]ом были Пушкин, М. Глинка, Вя[...]кий, Жуковский и Виельгорский.

27 декабря.

А. Тургенев внес в свой дневник за[...] с Пушкиным об его сти[...] [...]жании» стихам Держа[...] [...] умру» («Памятник» [...]на).

[...] этой же беседе Тургенева с Пуш[...]ым, затянувшейся до полуночи, они [...]ешли к интересующей Пушкина в [...] время теме о «Слове о полку Иго[...]».

ЯНВАРЬ 1837 ГОДА.

4 января.

[...]реговоры Пушкина с издателем [...] об издании 2500 экземпля[...] тома стихотворений, с по[...]анса в 1500 рублей.

16 января.

[...] был на годичном акте в [...]ии наук. На торжественном со[...] председательствовал кн. Дондуков-[...]рсаков, на которого Пушкиным написана эпиграмма: «В Академии заседает князь Дундук...»

**

[...] Пушкина к одному из своих [...] он пишет: «Вы [...]

16 января.

В № 1 «Литературных прибавлений» к газете «Русский инвалид» помещено А. Краевским стихотворение Пушкина «Аквилон». Министр граф Уваров выразил за это Краевскому свое порицание, сказав: «Разве Краевский не знает, что Пушкин состоит под строгим присмотром тайной полиции, как человек неблагонадежный? Служащему у меня в министерстве не следует иметь сношение с людьми столь вредного образа мыслей».

18 января.

На вечере у австрийского посла Фикельмона велся серьезный разговор между Пушкиным, Вяземским, Тургеневым и французским послом, историком Барантом, который рассказывал о Талейране и его записках. Разговор перешел на тему о «Капитанской дочке» Пушкина, и Барант высказал желание перевести этот роман на французский язык.

19 января.

Письмо Пушкина к Скобельцыну с просьбой одолжить или достать 3000 рублей.

**

31 января (около).

Выход в свет 3-го издания «Евгения Онегина». В три дня было продано 2000 экземпляров.

ФЕВРАЛЬ 1837 ГОДА.

2 февраля.

Пушкин был у своего друга П. А. Плетнева. По словам А. Никитенка, цензора, находившегося в то же время у Плетнева, Пушкин говорил много «дельного и тонкого» о русском языке и высказывал мнение, что пока нельзя писать «Историю Петра I», так как ее не позволят напечатать.

6 февраля.

Вместе с Жуковским Пушкин был в мастерской известного художника К. Брюллова и живо интересовался его рисунками и альбомами.

**

В тот же день он был у баснописца Крылова и также был в оживленном настроении.

7(6) февраля.

Пушкин послал Геккерну-отцу оскорбительное письмо, где клеймил Геккерна за его роль сводника и Дантеса за наглое его поведение в отношении Н. Н. Пушкиной.

**

В этот же день Пушкин получил ответное письмо Геккерна с вызовом на дуэль от имени Дантеса, при чем было сказано, что «встреча (то-есть, дуэль) не терпит никакой отсрочки и что секундант Дантеса, виконт д'Аршиак, будет немедленно у Пушкина».

8 февраля.

День дуэли Пушкина с Дантесом. По описанию Жуковского, Пушкин встал в 8 часов утра, после чая много писал, «ходил по комнате необыкновенно весело».

Дуэль состоялась в 5-м часу дня за городом, на месте «Комендантской дачи». Первым стрелял Дантес и смертельно ранил Пушкина. Раненый Пушкин упал в снег, но затем, приподнявшись, дал свой выстрел, целясь в Дантеса, и легко ранил его в руку.

10 февраля (29 января по старому стилю).

Два дня прошли в мучительных страданиях, и 29 января (10 февраля), в 2 часа 45 минут дня, Пушкин умер.